

Исправление ошибок

Рассказ

На фоне звёздного неба отчётливо выделялся тёмный силуэт здания школы. В лунную мартовскую ночь было хорошо видно, как два парня карабкаются по высокой берёзе на третий этаж, к учительской. Подобравшись к заветному окну, они тихонько открыли форточку ножиком. Самый маленький, Петька Филиппов, его все звали «Филя», пролез через неё и изнутри распахнул окно. Ещё двое прятались внизу, в кустах сирени, и оттуда наблюдали за школьным двором. После того как первая пара скрылась в помещении, они тоже стали взбираться наверх с ветки на ветку, торопясь лично поучаствовать в великом мероприятии по «исправлению ошибок».

Парень с шевелюрой из каштановых волос, Юрка Лисочкин, вторым пробравшийся в учительскую, был крупнее первого, одет в коротенькую курточку и синий шарф. Очутившись в тёмной комнате, он сразу же плюхнулся на подвернувшийся ему стул и уставился на стену. Два месяца назад он стоял здесь перед учителями и давал обещание не прогуливать уроки. Тогда он точно так же неотрывно смотрел на стену, где висел большой портрет мужика с круглым лицом. Сегодня свет от луны то попадал в комнату, то затенялся раскачивающимися на лёгком ветру ветками берёзы, скользил прямо по лысине Хрущева, чуть задерживался и уходил куда-то прочь. Мальчишке казалось, будто он сам гладит самого главного в стране по большой голове и умоляющим голосом приговаривает: «Ты никому не говори. Ладно? Не надо никому говорить...»

В это время Филиппов уже нашёл в дальнем углу, почти у самых дверей, большой деревянный шкаф и стал на ощупь, будто струны на деке скрипки, перебирать тонкими пальцами все его досочки. Наконец он нашёл замок, поддел его фомкой, и дверка отворилась. Классные журналы стояли на полках ровными рядами. На переплётах белели номера классов, нанесённые жирной краской.

– Подожди нас, – крикнул белобрысый мальчишка в светлом пальто и такой же кепке, это был Серёжка Богданов, третий из пробравшихся в раскрытое окно подростков. Пролезая через подоконник, он опрокинул стопку лежавших там тетрадей и теперь пытался собрать их и сложить в кучу.

Четвёртый, с чёрными как смоль волосами, в одной только школьной форме и с шарфом вокруг шеи, Вовка Спивак, столкнулся с Богдановым, подбирающим с пола тетради, и свалился с подоконника. Он попал ногой между стеной и столом и теперь с трудом пытался вылезти оттуда.

– Тише ты! – зыкнул на последнего тот, что сидел на стуле и «гладил рукой» лысину выдающегося деятеля, потом повернулся в сторону Филиппова, который возился с журналами и уверенно добавил: – Нужно несколько брать, а то сразу догадаются.

Мальчишки разбрелись по учительской, внутренне торжествуя победу над всеми учителями страны. Сам факт нахождения в штабе противника их просто завораживал. Было интересно. Всё привлекало их внимание. Что на столах? Что в тумбочках? Чьи тетрадки? Хотя из-за темноты почти ничего не было видно.

Вдоль окон учительской размещались письменные столы и множество стульев. Под столами и стульями валялись небрежно разбросанные женские туфли. С другой стороны плотными рядами стояли разные по форме и высоте книжные шкафы с наполовину застеклёнными дверцами. В непроветренном помещении чувствовался запах обуви и мокрого мела.

Не дожидаясь подельников, тонкий и щупленький Петёк Филиппов в новом школьном пиджаке с отрезанным, как

у Битлов, воротником, одним движением выхватил сразу семь крайних справа журналов в коричневом дерматине, засунул их за пазуху и бросился обратно к окну. Теперь всеми клетками своего тощего организма он ощущал, что является обладателем важнейших документов современности. Именно этот талмуд седьмого «Б» обрекал всех четверых участников тайного мероприятия на окончание третьей четверти с тройками, а ему самому грозил парой по математике. Теперь всё будет не так! Теперь появился шанс!

Внезапно в коридоре послышались быстро приближающиеся шаркающие шаги. Это мог быть только учитель труда. Все ребята школы любили его. Васильич в любое время разрешал работать в мастерских и что-нибудь мастерить. Так просто, для души. Он инвалид войны, потерявший на фронте левую руку, ночевал чаще всего в школе, возле тира, семьи у него не было. Мальчишки во время своих ночных блужданий по подвалу без фонаря и спичек много раз его видели там. Но сегодня во время их «предприятия» он как назло оказался на третьем этаже. К такому обороту они не были готовы. И никакого плана «Б», то есть плана внезапного отхода, у них не имелось. Началась паника. Все видели, как Вовка Спивак, теперь уже не боясь нашуметь, с сильным треском от ломающейся ножки стола вылез-таки из западни между столом и стеной и уже через секунду оказался на подоконнике. Все тетради, которые только что сложил там Серёжка, снова свалились на пол. Богданов ясно слышал, как Спивак прокричал: «Атас! Бежим!» Не тратя времени на поиск надёжной опоры, Вовка быстро, как обезьяна, спускался вниз, прыгая с ветки на ветку и пользуясь только руками. Очутившись на земле, он быстро вскочил и бросился наутёк.

Через мгновение, придерживая руками журналы, спрятанные под полую пиджака, на подоконник взобрался маленький Филька. Как легко было лезть по дереву вверх и шагнуть в проём окна! Совсем другое дело – спускаться вниз. Времени на расчёт траектории не оставалось, на проход шаг за шагом по узкому карнизу дома – тем более. Мальчишка, не раздумывая, прыгнул прямо на берёзу, решив

руками ухватиться за ближайший толстый сук. Пиджак порвался о мелкие ветки, журналы вывалились на землю, а сам он повис на этом суку, не имея никакой возможности дотянуться ни до следующей ветки, ни до ствола дерева. То ли от досады, то ли от страха и боли, он захныкал, не решаясь крикнуть о помощи.

В помещении ещё было темно. Богданов находился в дальнем углу огромной комнаты, за шкафами, и никого не видел, а Юрка Лисочкин с нетерпением ждал, пока с окна слезет Филя. Так и не дождавшись своей очереди, он спрятался за тяжёлой портьерой. В ту же секунду зажёгся свет.

Серёга, понимая, что через несколько мгновений его обнаружат, бросился к самому дальнему шкафу с глобусами и картами, открыл одну из его дверей, вытащил наружу чёрный глобус с белыми звездочками, влез между двумя нижними полками и накрылся плохо свернутой картой Арктического бассейна. Скрючившись, он неимоверными усилиями умудрился носком ботинка прикрыть дверцу шкафа. Только одну. Его сердце стучало так сильно, что мальчишка испугался и даже подумал вылезти из своего убежища. Всё равно услышат и найдут.

Из-за окна доносилось хныканье и сопение Петьки Филиппова.

Войдя в учительскую, Василий на секунду приостановился, повернулся и нажал на кнопку выключателя, который находился слева от дверей. Большая комната сразу вся залилась ярким светом. Впереди, над шеренгой столов, блестя стёкла окон. Только одно из них чернело, и через него в помещение врвался холодный весенний воздух. Оттуда же доносился приглушенный плач. Учитель быстрыми, уверенными шагами подошёл к окну, взглянул вниз и совсем рядом увидел мальчишку, висящего на ослабевших руках. Он наклонился, опираясь на подоконник.

– Эй! Держись, я сейчас. – Не найдя под рукой ничего подходящего, учитель перегнулся через проём и, удерживаясь только носками ног за чугунные батареи радиатора, протянул парню руку, – Держи! Дотянешься? Давай! Давай. Ещё немного...

Должно быть, он даже не думал о том, что здесь делает его ученик. Главное было втащить этого щупленького обротно, иначе он упадёт и разобьётся. А внизу, как раз около дерева, лежали штабеля бетонных поребриков, приготовленных строителями ещё зимой для будущего тротуара. Через ярко освещённое раскрытое окно на них падал продолговатый прямоугольник света. От игры теней камни казались ещё более устрашающими.

В это время спрятавшийся за шторой осторожно вылез из-за неё и украдкой, тихо ступая по паркету, начал обходить Васильича, чтобы незаметно покинуть эту злополучную учительскую, выйти в коридор и там уж... Услышав шаги за спиной, учитель нагнувшийся и ещё протягивающий вниз, в сторону Петьки Филиппова, свою единственную руку, вдруг резко повернул голову к свету...

– Лисочкин! – сурово произнёс он, узнав своего ученика. – Почему здесь?

Всё разрушилось, как карточный домик. Поначалу так везло: оставалось только тихо, не привлекая внимание, уйти с места преступления... Теперь его узнали. Всё! Огромный заряд злости, переполнив всё его сознание, вдруг выстрелил, и теперь вымещался на нём самом, на маленьком Фильке, продолжавшем пиццать за окном, на этом учителе-инвалиде с тремя блестящими цветными колодками на лацкане поношенного пиджака...

Юрка, не понимая, что делает, снова шмыгнул за портьеру. Учитель чуть повернулся и сделал маленький шаг в сторону. Портьера вдруг резко натянулась и сорвала с отштукатуренной кирпичной стены массивный деревянный карниз вместе с шурупами, ввёрнутыми в деревянные пробки. То ли трудовик наступил на тяжёлый бордового цвета занавес, то ли...

Одним концом карниз сильно ударил Лисочкина прямо по голове, после чего другой с ещё большей силой упал на шею Васильича. Центр тяжести на мгновение сместился, ноги трудовика оторвались от паркетного пола, приподнялись... А ещё через мгновение учитель исчез за окном...

Снизу Петьке было видно, как Васильич сначала весь обмяк, потом медленно перевалился через проём и соскольз-

знул вниз вдоль стены. Даже не пытаясь ухватиться рукой за бордюр или за ветки берёзы, он упал прямо на камни и больше не шевелился.

Наверное, со страху от увиденного и, инстинктивно пытаясь во что бы то ни стало смыться, исчезнуть отсюда, Филя изо всех сил раскачался на ветке, отпустил руки, перескочил на другую, пониже, не смог ухватиться за неё руками, соскользнул на третью, и, в конце концов, сорвался... Высота уже была не такой большой, но всё равно он больно ударился. Прихрамывая и прикрывая ладонью на животе белую рубашку с начинающими проступать бурыми пятнами крови, он подобрался к Васильичу. На мальчишку смотрели широко раскрытые неподвижные глаза, в которых отражался яркий свет из окна третьего этажа. Под головой учителя в разные стороны растекалась тёмная жидкость. Петька дотронулся до этой лужи пальцем и понюхал. Потом поднёс к губам свою мокрую от крови ладонь, тут же вскочил и хотел было уже убежать. Но через секунду передумал. Ему вспомнилось, как кто-то говорил, будто в глазах покойника остаётся образ последнего, кого тот видел при жизни. Поэтому, сидя на корточках возле неподвижного тела, не отдавая себе отчёта, парнишка принялся неистово тереть своей ладонью глаза Васильича. Через некоторое время, то ли успокоившись, что ему удалось стереть доказательства, то ли сообразив, что делает глупость, мальчишка встал, оглянулся вокруг и быстро побрёл в сторону, сильно наклонившись вперёд и припадая на правую ногу.

Потом в окне появился Лисочкин. Он медленно сел на подоконник спиной к учительской, дотронулся рукой до головы, поднял ладонь к лицу и посмотрел на неё. Покачиваясь, он прошёл вдоль стены по бордюру. На нём ещё не растаял тонкий слой льда, и поэтому мальчишка несколько раз соскальзывал одной ногой, но не упал, добрался до дерева и обстоятельно, перебираясь с ветки на ветку, с остановками, спустился на землю. Там, вокруг берёзы, валялись классные журналы, а чуть поодаль, на продолговатых камнях, неудобно вывернув в сторону правую ногу, лежал учи-

тель труда. Его глаза и щёки были измазаны кровью. Лисочкин не стал к нему подходить. Не стал он и собирать журналы, только подобрал пару из тех, что валялись поблизости, ещё раз огляделся и ушёл в темноту.

Наверное, только через час учительскую покинул последний. Внизу он увидел ту же ужасную картину. Ничего не соображая от испуга, он сразу подумал, что надо бы позвать скорую помощь. Но как это сделать? Постоял в нерешительности над телом учителя труда ещё минуты три и, ничего не придумав, направился домой...